

До экзаменов оставалось всего ничего; да ладно, если бы у Василия только конь не валялся. За год учёбы он настрополился управляться с этими непарнокопытными. Хуже было другое. На работе – как прорвало: заказы сыпались один за другим (это в кризис-то!), а чуть тормознуть или сбавить темп – он же понимает, что такая «пруха» долго длиться не будет. Так что свалившийся фарт – как бурундуку запасы на зиму.

«Оперативная полиграфия» – так назывались две небольшие комнатки с шестью компьютерами, одним чёрно-белым и двумя цветными принтерами, стареньким ксероксом и, кажется, двумя печатными машинами, одна из которых постоянно находилась в ремонте. Называлась фирмочка на удивление просто и точно, что не отвечало нынешним брендам и трендам. Войдя в новую жизнь, мы очень полюбили громкие, многозначительные наименования, которые, как, видимо, считалось, помогали быстрее расстаться с замшелым прошлым и обрести современное будущее. Например, «Барвиха Лакшери Виллидж» или, допустим, Корпорация «Экологичи Сервис Интернешенал». Не имело значения, что «лакшери виллидж» – это в недавнем прошлом подмосковная деревенька Барвиха, а «сервис интернешенал» – всего лишь сбор ТБО – твердых бытовых отходов, проще говоря – чистка придомовых помоек.

Фирмочка, в которой директорствовал Василий, была частной структурой в составе ещё нескольких подобных салонов, над которыми стояли хозяева – два брата крайне жлобской сущности. Она исправно занималась своим нехитрым бизнесом – печатала календари, буклеты, визитные карточки, словом, делала практически любую малотиражную полиграфическую продукцию, и к тому же, в самом деле, оперативно и хорошо.

К чему так подробно о второстепенном? Не зная этих вроде бы частностей, можно не ухватить нить, распутывающую клубок сюжета. А сюжет требует аккуратности изложения, или, выражаясь киношным языком, проснятости эпизодов. Потому продолжим в том же ключе.

Подчинённых у Василия было не много: художник-дизайнер и вообще первое лицо в салоне Марсель, наборщики Николай и Костя, печатник Салават и курьер по вызову Владимир Иванович. Василий занимался клиентской базой, то есть держал руку на самом пульсе. Держал, надо сказать, хорошо, поскольку был человеком, располагающим к себе, или, как теперь говорят, харизматичным. Помогала и привлекательная внешность. Немного, правда, искажала общую картину чуть заметная выпуклость, нависающая над брючным ремнём, но для дела это не имело значения. Возможно, потому Василий и подзапустил себя, а когда обнаружил проруху благодаря ироничному замечанию особы противоположного пола, сокурницы, к коей питал симпатию, расстроился, разозлился на подругу и вообще впал в уныние, хотя знал, что уныние есть тяжкий грех. В дополнение к портрету нужно добавить, что Василий был по образованию историком, но, как большинство близких по воз-

расту соотечественников, занимался не тем, на что был профессионально заточен. Ему ещё повезло: он пошёл по стопам родителей-полиграфистов, а не в купи-продай («ретейл!»), не в какие-нибудь менеджеры, девелоперы или дистрибьюторы, не заделался оператором или экспертом неизвестно чего. Он стал хорошим специалистом, справлялся с делом успешно, но сказать, что был доволен судьбой, не мог. Совестьливый, наделённый обострённым чувством справедливости и очень самолюбивый, он глубоко страдал от нашей молодой, ещё неустоявшейся структуры частного предпринимательства, в которой ему приходилось работать по найму, – от её бездушия, хамства, безмерной жадности, вороватости и от собственного бесправия. Но времена, как сказал поэт, не выбирают. Времена, добавлю от себя, делают люди.

Коллектив у Василия, повторюсь, был небольшой, но настоящий: надёжные товарищи, которые ещё ни разу не подвели, а работали они вместе уже не первый год. Каждый был классным специалистом в своём деле. Вот только о Марселе было затруднительно так сказать, ибо этот рыжебородый малый знал буквально всё, и всё одинаково безупречно. Немногословный, скупой на эмоции, почти не жестикулирующий, он производил впечатление тугодума, и даже те, кто хорошо его знал, порой обманывались и думали, что он чего-то не догоняет, и начинали повторять вопрос или задачу. Тот, однако, продолжал безучастно гулять мышью по монитору, а через минуту-другую выдавал решение, от которого все либо ахали, либо приходили в восторг. Поразительно разные, будто подобранные специально, Василий и Марсель, тем не менее, были подлинно друзьями. Странно? Но разве электрон и протон взаимно не притягиваются именно из-за того, что у них разные заряды? Поэтому, когда Василия припекло настолько, что конь, который ещё не валялся, стал казаться крохотным пони в сравнении с огромностью всей проблемы, он обратил свой взгляд на Марселя.

Проблема заключалась не в ситуации, связанной с работой. Такие авралы случались, были они в радость, потому что, если всерьёз, работы вообще всегда должно быть много, и ребятам было не привыкать не только задерживаться допоздна, но, раз надо, оставаться и на ночь. Проблема заключалась в том, что до сессии оставалось катастрофически мало времени, и Василий понимал, что не сможет осилить гигантский объём материала, который предусматривала программа экзаменов. Жалел он, что вообще ввязался в эту учебу? Разве только в отдельные моменты, когда страсть как хотелось отдохнуть или развлечься, а надо было идти на занятия и отбарабанить там минимум четыре часа или срочно накатать пятидесятистраничный реферат на тему типа: «Понятие таинства и обряда. Христианский обряд и языческий магизм. Значение жертвы в православном богослужении». А в целом, конечно же, не жалел. Можно сказать, это вышло почти само собой. Чуть ли не так же, как он вообще пришёл к православной вере. Не было у него ни чьего-то личного примера в отчем доме (вся семья – типичная советская техническая интеллигенция в первом поколении), ни поворотной встречи со священником или с духоносным старцем, ни голоса никакого внутреннего, ни вещего сна. В двенадцать лет он почему-то решил, что ему надо креститься, причём по православному чину, чем немало удивил домочадцев. Стал понемногу ходить в церковь, читать молитвы. Любопытный по натуре, желающий во всем дойти до самой сути, к тому же, как уже отмечалось, самолюбивый и честолюбивый, Василий не мог остановиться там, где, к сожалению, останавливаются многие, переступив церковный порог. Достаточно сказать, что он порой часами пытал своего продвинутого в церковном отношении соседа, пока тот однажды не сказал ему: «Поступай на дополнительное в Свято-Тихоновский – и получишь ответ на все вопросы».

Ответ на все вопросы, во всяком случае, в нынешней ситуации, Василий мог получить только с помощью шпаргалки – он понимал это как никогда. Он присел к столу и вывел на экран ноутбука расписание лекций и консультаций, оставшихся до сессии: Священное Писание Ветхого и Нового Завета, введение в литургическое предание, церковнославянский язык, иконоведение, история христианской Церкви, новые религиозные движения, сравнительное богословие, Устав и гимнография, святоотеческая письменность, история Русской Православной Церкви, литургическое предание, догматическое богословие. В каждой дисциплине от одного до нескольких десятков вопросов, а некоторые ещё и с подвопросами, и всё это включено в экзаменационные билеты. Грех вырисовывался отчётливо и безальтернативно. Но оставался вопрос, который буквально истерзал его и на который он не мог найти ответа. Если быть точным, ответ он знал, то есть знал, каким тот будет, если он к кому-то обратится. Тогда, спрашивается, зачем мучиться? А вам никогда не доводилось

задаваться вопросом, ответ на который заведомо известен? Человек не перестаёт надеяться даже в очевидной ситуации – в этом, думаю, всё дело.

Говорить ли про шпаргалки на исповеди? – вот что не давало покоя совестливому Василию. В самом деле, вопрос не так прост, как может показаться. Если не говорить – значит, идти на заведомый грех. Так, может, не исповедоваться перед сессией? Но ведь и так нечестно – Господь-то знает... А с другой стороны, пока не совершил грех, это вроде как помысел. Открывать помыслы духовнику обязан монах, а Василий мирянин. Зря что ли говорят: не согрешишь – не покаешься? Голова кругом... Дошло до того, что Василий решил посоветоваться с Марселем: самый нейтральный человек. Да лучше бы не спрашивал! «Можно подумать, ты не знаешь» – всё, что он услышал.

Итак, морально-этическую сторону проблемы Василий для себя худо-бедно решил. Оставалась вторая, не менее важная, – организационно-техническая. Понятно, что «шпоры» он будет составлять сам. Благо, писать не от руки, и шрифт можно сделать сколь угодно малым. Но даже в таком компактном виде они составят стопку в две карточные колоды, и где он там будет незаметно раскладывать свой пасьянс в поисках козырей? Решение напрашивалось само: нужен напарник, который дистанционно будет вкладывать Василию знания прямо в голову. Технически задача настолько примитивная, что её и описывать нечего. Оставалось договориться с Марселем – с кем же ещё? – но после его «Можно подумать, ты не знаешь» Василий не был абсолютно спокоен. Разговор между ними случился вот какой:

– Значит, фуксом хочешь проскочить, – сказал Марсель, привычно выдержав паузу после того, как Василий изложил драгу сюжет.

– Да пойми, Марс! Это же лошадиную башку надо иметь.., – Василий выжидающе смотрел на Марселя, а тот лишь чуть покачивал головой, словно отвечал каким-то своим мыслям. – Друг ты мне или нет?

Марсель вспыхнул своими, как у египетской кошки, восточного разреза жёлто-зелёными глазами под припухшими веками и опять уткнулся в экран. Снова пауза...

– Ма-арс!

– А православного Бога своего не боишься? – Василия словно обдало кипятком. Он чуть не врезал другу. Но неожиданная мысль, показалось ему, всё объяснила:

– Я понял тебя, Марсель Зарипов! Ты – мусульманин и помогать чужой вере считаешь неправильным. Но ты же помогаешь не вере, а мне. Это тоже неправильно?

– Во-первых, я – обыкновенный русский татарин. Почти советский. Для меня любая вера – чужая. Мне ни Христос, ни Аллах не мешают. Они сами по себе, я сам по себе. А это всё равно неправильно.

– Учить будешь?

– Когда экзамены-то? Надо будет отгулы взять.

...А ещё у Василия была нежно лелеемая и тщательно оберегаемая мечта – уехать на свою историческую родину, в Испанию. Почему он считал своей родиной страну басков, а не Москву, объяснению не поддаётся. На Пиренейском полуострове родились его предки по отцовской линии – это так; но мать и её предшественники – коренные москвичи, что тоже так. В паспорте он, правда, записан испанцем, но запись – всё же производное от правды жизни, а правда, она, как правило, двояковыпуклая или вогнутая, но опять же – двояко. Его отца крохой вывезли из Мадрида в Москву в 1937 году, когда в Испании шла гражданская война, и мы, как всегда, выполняли свой интернациональный долг. В СССР отец Василия, кстати тоже Василий, или Базилио, женился на русской красавице Ольге, родившей мальчика Василия и девочку Анастасию, и рано отошел ко Господу по причине плохого сердца. Василий до сих пор скорбит из-за того, что отец так и не принял таинства Крещения, хотя вроде бы шёл к этому, но... не дошёл. Наследнику досталась звучная двойная фамилия Родригес-Куэрто, что в совокупности с общей завидной статью и неожиданными голубыми глазами производило убойное впечатление на..., сами понимаете, на кого, и дважды подбросило ему арбузную корку в виде одинаково поспешных и одинаково неудачных браков.

Безумная любовь Василия к практически чужой стране всё же должна иметь какое-то объяснение. Проще всего, наверное, обратиться к сакральным истокам: голос крови, зов предков, самоидентификация, генетический код и т. д. – весь набор современной научно-патриотической атрибутики.

Но едва ли это было бы правдой. Может быть, излишне жёстко для иного чувствительного сердца, однако, сталкиваясь с этим явлением (причем не однажды), невольно вспоминаю «Барвиху Лакшери Вллидж» или нечто в подобном роде. Что ж: иногда так тянет уйти от повседневности, от привычной серости жизни, что хочется хоть как-то расцветить её – хотя бы как уже срубленную и обреченную ёлку обложить ватой вместо снега и украсить бумажными фантиками вместо настоящих конфет. Или всё-таки генетический код? Но тогда почему он, человек, любящий и умеющий учиться, к тридцати с небольшим знал всего лишь примитивные «буэнос ночес» и «буэнос диас» и ровным счётом ничего больше? И это при том, что мечтал переехать в Испанию «на пээмжэ». Скажу больше: занялся оформлением, хотя понимал, что шансов мало: политическая причина не выкрутилась, ценности, как специалист, он не представлял, капиталов не имел, а зов предков, похоже, был слабват для тугих на ухо инстанций. Но – мечтал.

Удивил Марсель, когда попросил перекинуть ему файлы уже готовых шпаргалок. «Зачем?». – «Хочу подойти к задаче осмысленно». Потом снова удивил: «Вась, есть вопрос. Ваш Бог спрашивает Адама, когда тот спрятался от Него: “Где ты?”. А потом Он же спрашивает у Каина: “Где Авель, брат твой?”. Если Бог действительно всемогущий, разве Он не знает, где они?». Василию показалось, что у него досрочно началась сессия. Значит, надо отвечать: «Господь спрашивает их не потому, что не знает. Он даёт им возможность сказать правду, а это значит – покаяться. Бог так любит людей, что каждому даёт шанс спастись. Но это возможно, если только сам человек хочет. В этом свобода воли, дарованная человеку Богом». Марсель молча слушал, привычно потирая левой рукой голубой якорёк между большим и указательным пальцами правой – память о срочной службе на Тихоокеанском флоте. Потом, молча же, кивнул и гукнул: «Угу».

Василий привык к этим экзаменационным праймериз и, когда Марсель на несколько дней замолчал, даже поинтересовался: «Процесс осмысления завершён?». В ответ услышал краткое: «Надо будет – спрошу». Василий разгадал гениальный замысел друга: задавая вопросы, тот заставлял его всё время быть в форме, как бы на линии старта. Василия это нагружало дополнительно, однако объективно было полезно, и он мысленно благодарил друга, восхищался им, не подозревая, насколько заблуждается.

Вскоре Марсель обратился к Василию: «В Евангелии от Луки, в притче о неверном домоправителе...»...

– Этого же нет в вопросах! – оторопел тот.

– Ну и что? – невозмутимо спросил Марсель. – Христос говорит, что сыны века сего догадливее сынов света. Это о нас?

– В каком смысле?

– А чтобы не завалить сессию.

– Ну, ты даешь... богослов! Давай-ка ближе к теме.

Сессия должна была начаться вот-вот. «Шпоры» и всё прочее было готово. Накануне первого экзамена провели генеральную репетицию. Василий набрал телефон Марселя и упрятал свой мобильник во внутренний карман. Подошёл к столу с воображаемыми билетами, якобы взял один, отчётливо и громко назвал номер и сел готовиться. После этого в соседней комнате повёл свою партию Марсель. Он споро отыскал нужные шпаргалки и начал по телефону читать ответы, которые через микронаушники прямоком попадали в Василиеву голову. Тот едва успевал записывать. Система работала безупречно.

Как и следовало ожидать, Василий сдал сессию успешно. Хотелось праздника жизни, хотелось не думать о неоднозначности ситуации, но не получалось. Помните, как у Ильфа-Петрова? Бендер, наконец, обрёл вождеденный миллион, а почему-то ему было грустно. Они сидели в кафе неподалеку от своей «Оперативки» – отмечали событие, и Василий допытывался у друга:

– Почему я чувствую себя, как последний второгодник?! Да не молчи ты!..

Марсель не молчал. Он думал. А это совсем другое. Молчать можно и просто так. А думать просто так невозможно. Что он мог ответить? Они же всё делали вместе... Так неужели он имел право сказать другу хоть слово упрёка?..

– Уснул?! – Василий тряс Марселя за плечо.

– Не... Я, Василь, это... Я вот о чём подумал... Ты искал путь, а я тебе помогал, чтобы поменьше пота пролил...

– Какого пота? – уставился на друга Василий.
– А который на лице. Когда хлеб свой будешь есть.
– Ты предлагаешь мне жить по Ветхому Завету?
– Ничего я тебе не предлагаю. Живи, по какому хочешь. Ты же сам учил меня, что человек наделён свободой выбирать. Я о другом, Васёк.

– О чем же? – в голосе Василия язвительная ирония. – Может, научишь?
– Пусть тебя там учат, – Марсель махнул в сторону, где находился университет. – Если твоя вера самая правильная...

Принесли заказ. Василий негромко прочитал «Отче наш», перекрестился, осенил крестом «питие и ястие». Марсель смиренно ждал, опустив глаза и оглаживая рукой с якорьком свою рыжую бороду.

– Человек... как бы сказать..., – чувствовалось: он тщательно подбирал слова, – человек не может не грустить, если нарушает свою веру. Даже если он этого не знает. Вот.

Марсель никогда так много сразу не говорил и сейчас чувствовал себя, словно отрубил на работе полный день. Так много за один присест и Василий от Марселя не слышал. А тем более – такого. Оставшуюся часть вечеринки они провели почти в молчании, рождённом не огорчением, но скорее разными мыслями.

Дома Василия ждало письмо из посольства Испании. Второй секретарь имел честь сообщить г-ну Базилио Б. Родригесу-Куэрто, что его просьба о предоставлении ему испанского гражданства и разрешении на въезд на территорию Королевства Испания для постоянного жительства... Василий удержал глаза на последнем слове, боясь двинуться дальше. Однако набрался мужества: *удовлетворена*. Не веря прочитанному, он шарил взглядом по письму – искал отрицание *не*, которое, конечно же, просто стоит в другом месте, то ли случайно, то ли по ошибке, то ли чьей-то злой шуткой. Но дальнейший текст письма рассеял его страхи. Г-ну и т. д. предлагалось явиться в посольство Королевства Испания в Российской Федерации в удобное для него время для оформления необходимых документов и получения соответствующих инструкций. Самым удобным временем для него было, схватив такси, помчаться в посольство немедленно, но охолонул и понял, что удобное время наступит не раньше завтрашних девяти утра. Господи, как он плакал, г-н Базилио Б. Родригес-Куэрто! Как он плакал!.. От счастья, конечно. От чего ещё?

Когда Василий сообщил о событии Марселю, тот произнёс в своей обычной манере – негромко и после паузы:

– К католикам едешь...
Василий опешил:
– Почему к католикам?!
– А у них там какая вера?
– Да ты что? – залотошил Василий. – Там и православных храмов полно, – последнюю фразу он произнес не очень уверенно.
– Когда?
– Что «когда»? – поначалу не понял Василий. – А как бумаги оформлю, – похоже, он обрадовался, что Марсель ушёл от щекотливой темы. – Как оформлю...
– Ясно-понятно... А как с университетом?
– Ну... буду приезжать... сдавать...
– Значит, наушники сохраняем?
– Думаешь, я теперь только со «шпорами» и могу? – Василий так хлопотливо радовался, что парня было даже немного жаль.

Его провозжали мама Ольга Афанасьевна, сестра Анастасия с мужем Петей и Марсель. Пять часов перелёта Василий провёл в основном в мыслях о будущем, что понятно. Но время от времени вспоминал и продолжавшего его удивлять друга. Когда в аэропорту они выгрузились из машины, Марсель – он ещё оставался за рулём – поманил Василия. «Чего тебе?». – «Понимаешь, Васёк, не могу разобраться в ситуации. Ты исповедуешься священнику, а назавтра он же принимает у тебя экзамен. Ты отвечаешь на пятерку, а он знает, что ты пользовался шпаргалкой. Он имеет право снизить тебе оценку? Будет это разглашением тайны исповеди или нет? С одной стороны, один и тот же человек. А с другой – экзаменатор использует информацию, которую доверили не ему, а

исповеднику. Вот и не знаю, как правильно, а?). Василий, который уже весь был в Испании, тупо смотрел в кошачьи глаза Марселя. Его хватило только: «Да ну тебя!».

...Наведаться в Москву Василию удалось только через шесть лет. Первым, кому он позвонил, был, конечно, Марсель. Разумеется, нужно знать этого человека, как знал его Василий, чтобы не обидеться на тон, каким тот говорил: будто расстались вчера. Но Василий действительно хорошо знал Марселя и по чуть изменившейся интонации, когда он произнес «Васёк?!», понял, что тот ему очень рад. Они договорились встретиться в том самом кафе, где когда-то отмечали экзаменационный успех Василия. «Я сегодня вечером как раз свободен», – сказал Марсель, чем немного удивил друга. «А для меня не смог бы освободиться?» – «Даже для тебя, извини».

Кафе, как ни странно, сохранилось в почти прежнем виде. И тот самый столик оказался свободным. «Как всегда?» – спросил Василий. Марсель кивнул. Они сидели и молча смотрели друг на друга. Короткие телефонные звонки и эсэмэски, которыми они обменивались за эти годы, не проливали практически никакого света друг на друга. Так, общие слова: привет-привет – дела нормально – на работе тоже – у нас нет православного храма, а ездить далеко и дорого – бывай! Шесть лет вроде немало, но внешне они мало изменились. Марсель чуть погрузнел, а Василий, напротив, подтянулся: видно, жизнь на родине не давала скучать. Но нечто почти неуловимое произошло с их лицами: у Василия чуть опустились углы губ, Марсель перестал прятать глаза под веками.

Подошёл официант, поставил тарелки, элегантно разлил водку и испарился. Василий вкусно потянулся к рюмке, но Марсель поднял ладонь. Тот удивленно посмотрел на него. Марсель стал негромко читать «Отче наш». У Василия отвисла челюсть. «...Но избави нас от лукаваго», – закончил Марсель, перекрестился и, совсем как тогда Василий, осенил крестом «питие и ястие». У Василия дрогнул голос: «Это... ты ради меня?!». «Прости, и это не ради тебя», – ласково улыбнулся Марсель и посмотрел куда-то поверх головы друга. Такой улыбки и такого взгляда Василий никогда прежде у него не видел. Кажется, он начинал догонять ситуацию. Было уже не до водки.

– Так ты... ты крестился?! – на лицо Василия вернулось его прежнее – всегда живое, как бы искрящееся – выражение, отсутствие которого его друг отметил при встрече.

– Теперь я Савва. Точнее – отец Савва. Даже бороду не пришлось отращивать, – и засмеялся.